

Сорок лет назад*)

«Лет сорок назад, когда я была еще девочкой, мы жили в Грузинском переулке по соседству с общежитием Кирилла-Мероподия и красивыми казармами. Мне было лет десять, двенадцать. В те годы Алексей Максимович Горький — мой дядя по матери, служил письмоводителем у прасяжного поверенного Лапина.

Отец много пил, буянил, часто обижал мать и детей. Нередко мать посыпала меня к Горькому с просьбой — заступиться, помочь. Алексей Максимович никогда не оставался равнодушным к такого рода просьбам. Заступался, помогал материально. Сам к нам заходил.

Потом уехал куда-то.

Мне было уже около семнадцати лет, когда мы встретились снова. Я шла босая по воду. Ведро у нас не было, так банку из-под ландрина для этой цели приспособили. Смотрю — около нашей калитки остановилась пара. Кто-то высокий, сутловый вылезает и даму за собой выводит. Я, конечно, стою, руки прыжкие прачу. Смущилась больно. А он смотрит на меня так пристально и говорит:

— Так ты чья же будешь — Володькина или Александрина? (это отец и дядя рассказницы С. О.).

Я сконфузилась, отвечаю:

— Владимировна!

*) Рассказ Евгении Владимировны Велосициной-Фроловой, 56-летней племянницы.

— Ну, так давай, веди нас!

А жили мы в мезонине, туда забраться, как на голубятню.

Екатерина Павловна — его супруга, и спрашивает:

— Алексей, куда же ты меня ведешь?

— Ну, ничего, говорит, ничего.

Отец мой услышал голоса, вышел. Потом мать вышла. Алексей Максимович бросился на шею сестре — моей матери, и рыдают оба.

Ну потом, как водится, мама приглашает пройти. А самовара-то у нас не было: пили из чугуна. Растерялась мать, а Горький успокаивает:

— Ничего, не волнуйся, все равно пить будем!

Посидели они, Екатерина Павловна с ребятами поговорила.

— Приходите к нам, я вам ванну дам для мытья ребятенек.

Алексей Максимович отца за пьянку поругал как следует.

Вечером мать стояла в гостиницу «Россия» — к Пенчиковым. Вернулась — полны руки подарков. Всего привезла. Этими заботы их о нас не кончились. Как-то приходит к нам Екатерина Павловна, говорит матери:

— Женя-то ведь большая стала, ты спроси у ней — чего она хочет: то ли замуж, то ли учиться. И шитьем заняться дело не лишнее. Благо, знакомая портниха есть.

Я сказала, что шитье и кройка мне по душе. Наняли мне портниху за двадцать пять рублей в месяц. А тут жених подвернулся. Стали меня сватать.

Больно хотелось мне другой жизни изведать. Девичья-то с пострелками, да побоями, сильно надоела. Самой хотелось стать хозяйкой. Решила — учиться шитью не пойду, а замуж — желаю. Мать в слезы: «Что я теперь? Екатерина Павловна скажу?». Пошла она к Горькому, рассказала все. Екатерина Павловна руками

— Что это вы надумали! Еще наживется, найдется. Вот походите — придет Алексей из редакции — скажите ему, по советуемся.

Пришел А. М. выслушал обоих, говорит: — Раз желает — и пусть идет. О чем же и речь может быть.

Стал о женихе расспрашивать. В ближайшее воскресенье наметил познакомиться с ним поближе.

В воскресенье стали к нам гости собираться. Все родные жениха пожаловали. Мать его, отец, сестра и сам он — Иван Васильевич Фролов — одет плохо, в пиджаке, черных брюках. Посидели немного. Мать его обращается к моей маме:

— Ну, как?

А мать отвечает:

— Нельзя при всех-то говорить. Вот выйдем в сенки, узнаем.

Вышли в сенки. Опрашивают меня. Я, конечно, отвечаю:

— Нравится!..

А мама мне:

— Смотри: это не шепот, с ночи не обростишь. Этими не играют.

Тут уж я в слезы.

— Хочу замуж. Одно скажу: замуж хочу.

Видно и жениховой родне я понравилась.

Алексей Максимович и говорит:

— Ну вот и ладно!

Потом снимает с себя запонки из сорочки, дарит жениху. Потом золотую цепочку от часов отделил. Также дарит. Спрашивает:

— А у тебя венчаться-то есть в чем?

— Нет.

— Ну а тебе рублей пятьдесят дам, да сорочку... Только она, пожалуй, велика будет.

Назначили свадьбу. Алексей Максимович велел быть посаженным отцом. Екатерина Павловна — сважой. Константин и Сергей Михайловичи Каширины — мои padrinos. К венцу одевает меня парикма-

хер. Когда одевали, Горький все шутил. Шпилек нехватило, так он гвоздиков принес.

— Нате, говорит, и сам смеется.

Венчаться в карете поехали. Втроем: Пешковы, да я. Надо сказать, что меня до этого учили на каждой перекрестке креститься. Вдем, а я все крещусь, крещусь. Он смотрел, смотрел на меня. Засмеялся.

— Зачем это ты все, Женя, крестишься?

Приехали к церкви. Жених уже там. Паникадила зажжены. Народу — масса. Певчие грянули. Сразу ошеломило все это меня. Есть мне целый день не давали. Все затянули в корсет. Стали венчать, я покачулась, вуаль у меня от свечи вспыхнула. Пришлось Алексею Максимовичу заступиться. Все в церкви переключилось, шопот пробежал — дескать, не к добру это.

Повенчались. Проводить поехали к жениху — в Кошелевку. Нас — молодых посадили под яблонями. А по обе стороны от нас сел Алексей Максимович с Екатериной Павловной. Подравили нас. «Ура» кричали, «горько». Целоваться заставляли без остановки. Потом танцевать начали. Алексей Максимович все время веселый был.

На другой день дружки пригласили нас будить о музыкой. Поехали мы к Алексею Максимовичу о визитом. А у них уж и стол накрыт. Чего, чего только нет! Угощают нас, приветствуют. Екатерина Павловна подает нам десертные ложки с нашими именами. Шампанским угощают. Я два стакана выпила. Отблагословляли их. Стали прощаться. А. М. и говорит мне:

— Ну, всего лучшего вам желаем, поезжайте, туляйте, повеселитесь.

На всю жизнь запомнилось мне его хорошее, доброе отношение к нам. И сейчас вижу его — как тогда — молодым, да веселым.

С. ОРЛОВ.